

Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т.29 (2)

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (2)

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhы
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 2. Pp. 735–754
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>

FTAХР / МРНТИ / IRSTI 03.01.09

https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_2_735-754

АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ЕДИГЕ

Мурат Гарифоллаевич Шолахов¹, Габдусалимова Мадина Габдусалимовна²

¹ Научный институт изучения Улуса Джучи

(ул. Пушкина, 15Б, 010000, г. Астана, Республика Казахстан)

Научный сотрудник

<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812> E-mail: muri777@mail.ru

² АО «АТМА – аэропорт Атырау и перевозки», Атырау, Республика Казахстан

(пр. Абулхайыр хана, 2, Атырау, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук

<https://orcid.org/0009-0000-5392-095X> E-mail: madinagabdusalimova@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу западноевропейской историографии амира Едиге как одной из ключевых фигур политического кризиса Золотой Орды конца XIV – начала XV вв. Рассматривается, каким образом в западной традиции формировался образ Едиге как фактического правителя и «создателя ханов», действовавшего в рамках чингизидской легитимности и правления через номинальных государей. *Цель статьи* – выявить основные подходы и устойчивые интерпретационные схемы западных авторов, а также сопоставить ранние ориенталистские обобщения с современными оценками, представленными в работах Ю. Ю. Почекаева и В. В. Трепавлова. *Материалы и методы.* Историографическую базу составляют труды западноевропейских исследователей XIX–XXI вв., включая работы Г. Хаурорта и Й. фон Хаммера-Пургштала, а также современные исследования по истории Улуса Джучи. Методология включает сравнительно-историографический анализ, контекстуализацию и критическое сопоставление интерпретаций с реконструкциями механизмов власти и легитимации. *Результаты.* Показано, что западноевропейская историография чаще всего описывает Едиге через военные кампании и борьбу за престол, уделяя меньше внимания социальной опоре мангытов и инструментам политической легитимации. Сопоставление с современными работами позволяет уточнить границы власти Едиге и его зависимость от династической нормы. *Заключение.* Сделан вывод, что западная историография остаётся важной для общего политического контекста, но требует дополнения институциональным и легитимационным анализом, позволяющим более точно объяснить роль Едиге в трансформации поздней Золотой Орды.

Ключевые слова: эмир Едиге (Едигей), Золотая Орда, Улус Джучи, западноевропейская историография, легитимация власти, чингизиды, мангыты, Тимур, Ногайская Орда.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке научного проекта AP23490261 «Историческая биография Ногая и его роль в истории джучидской государственности».

Для цитирования: Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г. Анализ западноевропейской историографии об Едиге // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. С. 735–754. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_735-754

ЕДИГЕ ТУРАЛЫ БАТЫС ЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАНЫ ТАЛДАУ

Мұрат Ғариқоллаұлы Шолахов¹, Мадина Габдусалимқызы Габдусалимова²

¹Жошы Ұлысы зерттеу ғылыми институты
(Пушкин көшесі, 15Б, 010000, Астана қ., Қазақстан Республикасы)
Ғылыми қызметкер
<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812> E-mail: muri777@mail.ru

²«АТМА – Атырау әуежайы және тасымалдау» АҚ
(Әбілқайыр хан даңғылы, 2, Атырау қ., Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
<https://orcid.org/0009-0000-5392-095X>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Шолахов М.Ғ., Габдусалимова М.Ғ., 2026

Аннотация. *Kipicne.* Мақала XIV ғасырдың соңы – XV ғасырдың басындағы Алтын Ордадағы саяси дағдарыс кезеңінде маңызды тұлғалардың бірі болған әмір Едігенің Батыс Еуропа тарихнамасындағы бейнесін талдауға арналған. Зерттеуде Батыс ғылыми дәстүрінде Едігенің шынайы билеуші әрі «хандарды тағайындаушы» ретінде қалыптасқан образы қарастырылады. Сонымен қатар оның Шыңғыс әулетінің заңды легитимдігіне сүйене отырып, номиналды билеушілер арқылы басқару үлгісін жүзеге асырғаны көрсетіледі. *Мақаланың мақсаты* – батыс авторларының негізгі көзқарастарын және орныққан түсіндіру үлгілерін айқындау, сондай-ақ Г. Хауорт пен Й. фон Хаммер-Пургшталь еңбектеріндегі ерте ориенталистік жинақтауларды Ю.Ю. Почекаев пен В.В. Трепавловтың қазіргі ғылыми бағаларымен салыстыру. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің тарихнамалық негізін XIX–XXI ғасырлардағы батысеуропалық зерттеушілердің еңбектері, оның ішінде Г. Хауорт пен Й. фон Хаммер-Пургшталь еңбектері, сондай-ақ Жошы ұлысының тарихына арналған заманауи зерттеулер құрайды. Әдістемелік тұрғыдан салыстырмалы-тарихнамалық талдау, контекстуализация және түсіндірулерді билік пен легитимация тетіктерін қайта құру нәтижелерімен сыни салыстыру тәсілдері қолданылды. *Нәтижелер.* Батыс еуропалық тарихнамада Едіге тұлғасы көбіне әскери жорықтар мен тақ үшін күрес аясында сипатталатыны, ал маңғыттардың әлеуметтік тірегі мен саяси легитимация құралдарына салыстырмалы түрде аз көңіл бөлінетіні анықталды. Заманауи зерттеулермен салыстыру Едігенің билік шекарасын және оның әулеттік нормаға тәуелділігін нақтылауға мүмкіндік береді. *Қорытынды.* Батыс тарихнамасы жалпы саяси контексті түсіндіруде маңызды болғанымен, Едігенің Алтын Орданың кейінгі кезеңдегі трансформациясындағы рөлін дәлірек ашу үшін оны институционалдық және легитимациялық талдаумен толықтыру қажет деген тұжырым жасалды.

Түйін сөздер: Әмір Едіге (Едігей), Алтын Орда, Жошы ұлысы, Батыс Еуропа тарихнамасы, биліктің легитимациясы, Шыңғыс әулеті, маңғыттар, Әмір Темір, Ноғай Ордасы.

Алғыс. Мақала AP23490261 «Ноғайдың тарихи өмірбаяны және оның Жошы ұлысы мемлекеттілігі тарихындағы рөлі» атты ғылыми жоба аясында дайындалды.

Дәйексөз үшін: Шолахов М.Ғ., Габдусалимова М.Ғ. Едіге туралы батыс еуропалық тарихнаманы талдау // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. 735–754.-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_735-754

ANALYSIS OF WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY ON EDIGE

Murat Garifollaevich Sholakhov ¹, Madina Gabdusalimkyzy Gabdusalimova ²

¹ Scientific Institute for the Study of the Jochi Ulus
(15B Pushkin St., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD Doctoral Candidate
<https://orcid.org/0009-0003-6468-9812> E-mail: muri777@mail.ru

² ATMA – Atyrau Airport and Transportation” JSC
(2 Abulkhair Khan Ave., Atyrau, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences
E-mail: madinagabdusalimova@mail.ru <https://orcid.org/0009-0000-5392-095X>

© Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2025

© Sholakhov M.G., Gabdussalimova M.G., 2026

Abstract. Introduction. This article examines Western European scholarship on Emir Edigü as one of the central figures of the political crisis in the Golden Horde in the late fourteenth and early fifteenth centuries. It explores how Western academic tradition shaped the image of Edigü as a de facto ruler and a “maker of khans,” operating within the framework of Chinggisid legitimacy and ruling through nominal sovereigns. *The aim of the study* is to identify the main approaches and persistent interpretive patterns in Western writings and to compare early Orientalist syntheses, including the works of H. Howorth and J. von Hammer-Purgstall, with modern assessments presented in the studies of Yu. Yu. Pochekaev and V. V. Trepavlov. *Materials and methods.* The historiographical basis of the research includes works by Western European scholars from the nineteenth to the twenty-first centuries, as well as recent studies on the history of the Jochid Ulus. The methodology relies on comparative historiographical analysis, contextualization, and critical comparison of interpretations with modern reconstructions of the mechanisms of power and legitimation. *Results.* The study shows that Western European scholarship most often portrays Edigü through the lens of military campaigns and struggles for the throne, paying comparatively less attention to the social foundations of Manghit power and the instruments of political legitimation. Comparison with contemporary research allows a more precise understanding of the limits of Edigü’s authority and his dependence on dynastic norms. *Conclusion.* It is argued that Western scholarship remains important for reconstructing the broader political context, but it should be complemented by institutional and legitimation-focused analysis in order to explain more accurately Edigü’s role in the transformation of the late Golden Horde.

Keywords: Emir Edigü (Edigei), Golden Horde, Jochid Ulus, Western European historiography, political legitimation, Chinggisids, Manghits, Timur, Nogay Horde.

Acknowledgement. This article was prepared with the support of the research project AP23490261 “The Historical Biography of Nogai and His Role in the History of Jochid Statehood”.

For citation: Sholakhov M.G., Gabdussalimova M.G. Analysis of Western European Historiography on Edige // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. No. 2. Pp. 735–754. [in Russian]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_735-754

Введение. Фигура эмира Едиге занимает важное место в истории поздней Золотой Орды, поскольку его политическая деятельность связана с эпохой затяжных династических конфликтов, усилением роли военно-племенной знати и ускорением процессов территориальной и институциональной фрагментации Улуса Джучи. В конце XIV и начале XV вв. Едиге выступил как один из наиболее влиятельных представителей степной элиты, сумевший сосредоточить в своих руках значительные ресурсы власти и управлять политической ситуацией через систему номинальных правителей, формально сохранявших чингизидскую легитимность. В то же время его образ в историографии остаётся неоднозначным, поскольку письменные свидетельства о ранних этапах его жизни фрагментарны, а последующая традиция нередко дополняла документальные сведения эпическими и идеологическими элементами. Западноевропейская научная литература, начиная с ориенталистических обобщений XIX века и заканчивая современными синтетами по истории Золотой Орды, уделяла Едиге внимание главным образом в связи с военными кампаниями,

сменой ханов и противостоянием различных политических центров. Однако особенности степных механизмов власти, инструменты легитимации и социальная опора мангытской группы чаще всего освещались лишь в общем виде. В связи с этим анализ западноевропейской историографии по теме Едиге остаётся актуальным, поскольку позволяет выявить устойчивые исследовательские схемы, оценить их объяснительный потенциал и определить направления, в которых западные интерпретации могут быть уточнены и дополнены современными подходами, ориентированными на институциональный и легитимационный анализ позднеордынской политической системы.

Цель исследования заключается в анализе западноевропейской историографии, посвящённой эмиру Едиге, и выявлении ключевых интерпретационных моделей его образа. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить основные сюжеты и оценки в трудах западных авторов; проследить влияние ориенталистской традиции на реконструкцию биографии и политической роли Едиге; сопоставить выводы западных исследователей с современными подходами, представленными в работах Ю. Ю. Почекаева и В. В. Трепавлова.

Обсуждение. Западные авторы чаще всего представляют Едиге как фактического правителя и «создателя ханов», объясняя его влияние через военную силу и участие в борьбе за престол. При этом сравнительно слабее раскрываются социальная опора мангытов, механизмы степной легитимации и ограничения власти, связанные с чингизидской династической нормой. Сопоставление западных обобщений с современными исследованиями показывает, что власть Едиге была не только личной инициативой, но и результатом политической системы поздней Орды, где реальная сила сочеталась с обязательной зависимостью от чингизидского принципа законности и практики управления через номинальных ханов. Европейская историография Едиге была частично рассмотрена немецким историком Бертольдом Шпулером. В книге «Монголы на Руси» он опирался на труд австрийского историка Йозефа фон Хаммер-Пургштала, а также на западные источники, включая сообщения Руя Гонсалеса де Клавихо и Яна Длугоша [Шпулер, 2016]. Казахский взгляд на проблему представлен в работе М. Алпысбеса и Ф. Алеушинова [Алпысбес, Алеушинов, 2023]. Российскую историографию Едиге рассматривал И. Измаилов [Измаилов, 2024]. Казахский вариант образа Едиге также анализировался в исследовании Уалиева и Кушкумбаева [Уалиев, Кушкумбаев, 2024]. Один из представителей европейской школы Джек Уилсон рассматривал проблему соотношения Ногая, Едиге и Мамаю, отмечая, что Ногай, в отличие от Едиге и Мамаю, не был полноценным «ханмейкером» [Wilson, 2024]. Тем самым исследователь обозначил важное различие между чингизидом Ногаем и беклярбеками, чья власть строилась не на династической легитимности, а на контроле над ханской властью. В целом европейская историография уделяла проблематике Едиге сравнительно ограниченное внимание, чаще затрагивая его фигуру косвенно. Однако работа Уилсона показывает, что биографический подход к изучению политических деятелей Улуса Джучи позволяет уточнить различия между чингизидскими претендентами, беклярбеками и военными лидерами. В связи с этим изучение Едиге невозможно проводить без учета трудов казахских и российских историков, которые рассматривают его не только как политического деятеля, но и как ключевую фигуру позднеордынской истории.

Результаты. *Значение имя Едиге.* Первым кто был озадачен вопросом антропонимики Едиге был французский историк, лингвист Пелио. В разделе «Edigü» П. Пельо рассматривает имя знаменитого ордынского вождя Едиге не как сюжет политической истории, а как филологическую проблему чтения, написания и этимологии, подчёркивая, что «случай Edigü» затруднителен именно из-за конкурирующих традиций передачи имени и разных графических/фонетических вариантов в источниках. В пользу окончания -ü (Edigü/Ädigü) он привлекает прежде всего «твёрдые» типы фиксаций: ярлыки (формы *Ädigü в ярлыке Темир-Кутлуга 1398 г. и Ädigü в ярлыке Тохтамыша 1393 г.), нумизматический материал (чтение типа Edigü-Bek/Edigü-Beg), а также издания восточных текстов (у Тизенгаузена фиксируется Edigü, хотя встречается и передача Ediku как следствие чтения/транскрипции); сюда же он относит запись “Aidegou Bahadur” у Катрмера, которую предлагает понимать как Edigü-Bahâdur, и отдельно отмечает возможность смешения с близкой формой Idegü [Pelliot, 1949: 105]. Методологически важно, что Пельо демонстрирует приоритет ярлыков и монет как более надёжной базы для реконструкции формы имени по сравнению с поздними компиляциями, где вариативность чтений выше [Pelliot, 1949: 105]. Одновременно он показывает, что параллельно существует сильная линия форм на -i/-ei, прежде всего в восточнославянской традиции (летописные Yedigei/Edigei), а также в западноевропейских транскрипциях: вариант “Edigny” он склонен читать как Ediguu, у Клавихо отмечает формы типа

“Edeguy/Ediguy”, а в генеалогической традиции у Абу-ль-Гази фиксирует форму, сводимую к Edigi; тем самым Пельо предостерегает от поиска «единственно правильного» написания, поскольку разные письменные и языковые среды закрепляли разные фонетические адаптации одного и того же имени [Pelliot, 1949: 105–106]. В этимологическом плане Пельо отвергает распространённые попытки объяснить имя через значение «умный/понимающий»: он критически разбирает вывод имени из якобы чагатайского слова у Будагова (считая такую интерпретацию фонетически сомнительной и недостаточно подтверждённой лексикографией уровня Радлова), а также версию Блоке о «монгольском *idegü* ‘умный’» на основании *Sängiläh*, подчёркивая, что в монгольском языке такого слова нет, а сам *Sängiläh* является тюрко-персидским, а не монгольским словарём [Pelliot, 1949: 106]. В качестве более убедительного решения он предлагает связывать основу имени с уйгурским *ädgü* ‘хороший’ (*bon*), отмечая, что это слово входит в состав личных имён и подкрепляя мысль параллелями из турфанских документов (например, имя типа *Adgü-Toyril*), так что семантическое ядро реконструкции Пельо, «хороший» как исходное значение основы *ädgü* [Pelliot, 1949: 106]. Объясняя расхождение между *Edigü* и *Edigei/Edigi*, он указывает на цепочку фонетических переходов (*ä dgü* может давать варианты *ezgü/eigi/egi/izgi* в разных тюркских средах) и делает важный историографический вывод: форма *Edigü* не обязана непосредственно отражать разговорный диалект Золотой Орды, поскольку слово могло пройти из уйгурской среды в монгольскую ономастику (где закреплялись произношения порядка *Edgü~Edigü*), а затем быть перенесённым монголами в ордынско-туркестанский контекст; при этом семантическое “умный” в словарных объяснениях допускается как вторичная интерпретация/нюанс, не отменяющий исходного *ädgü* = ‘хороший’ (Pelliot, 1949: 106). Самое близкое слова *эдхэг* означает исцеляющий. В «Mongolian Etymological Dictionary» (Version 1.1; compiled 2006–2009) Андраша Райки нет отдельной статьи про историческую фигуру Едиге (*Edige/Edigü*) как имя собственное, однако для этимологического обсуждения формы *Edigü* важна его лексикографическая фиксация монг. *edgeh* ‘лечить, исцелять’: “*edgeh* : heal [ОМ *edge-*, ср. Tur *iyi* good, ОТ *edgü*]”, где прямо указано сопоставление основы письменного монгольского (ОМ *edge-*) с тюрк. *iyi* ‘хороший’ и древнетюрк. *edgü* ‘хороший’ [Rajki, 2009: s.v. *edgeh*]. Едиге, вероятнее всего, следует рассматривать как имя, сформировавшееся в ордынской среде на стыке тюркской и монгольской ономастики, при этом нельзя исключать преимущественно монгольский «канал» закрепления формы (монгольская письменная традиция/фонетическая адаптация), хотя семантическая база имени убедительно соотносится с тюркским *edgü/ädgü* ‘хороший’ и сопоставляемой монгольской основой *edge*. Также монгольский словарь фиксирует близкие формы (*edügee* ‘сейчас’; *idege(n)/idegen* ‘угощение/вкусная еда’) [Mongol khelnii ikh tailbar tol, 2016].

Самое близкое по форме к «Едиге» из тех, что реально фиксируются в словарях, это *эдүгээ* / *edüge* со значением «сейчас, в этот момент; ныне». Как отмечал Кристофер Этвуд, Монгольское плато на протяжении длительного времени представляло собой смешанный тюрко-монгольский ареал, и примерно за два века до Чингисхана всё больше тюркоязычных групп переходили на монгольский язык, вследствие чего монгольская речь активно насыщалась тюркскими словами и оборотами (Atwood, 2004: 44). В Улусе Джучи, напротив, мог действовать обратный процесс, когда монгольские языковые элементы и антропонимы постепенно включались в тюркскую языковую среду, и имя Едиге, вероятно, не являлось исключением. В этом контексте обращает на себя внимание, что предполагаемые этимологические связи имени могут соотноситься с лексикой, имеющей позитивную семантику, например с монгольскими и древнетюркскими корнями, передающими значения «исцеляющий» или «добрый, хороший», что теоретически могло способствовать закреплению такого имени в тюрко-монгольской ономастической традиции.

Как отмечал В. В. Трепавлов, происхождение Едиге остается во многом неясным: источники и традиция не дают однозначного ответа ни относительно его корней, ни относительно точной этимологии имени. В фольклорных объяснениях имя связывается со словами *идуя* или *итук* в значении «сапог», поскольку, согласно преданию, приемный отец принес младенца домой именно в сапоге. В научной литературе приводятся и другие версии: имя выводится либо из выражения *етек бий* в значении «мудрец из простонародья», которым, как предполагается, эмира называли в народной среде, либо из форм *эдю* или *идю* в значении «добрый, хороший». Дополнительную неопределенность создает и то, что в различных текстах имя фиксируется в разных вариантах: Идиги, Идику, Идигу, Эдигу, Едегуй, Едигей и др., тогда как форма «Едиге» рассматривается как ногайский вариант [Трепавлов, 2013: 15].

В тех же работах подчёркивается, что и должность Едиге в источниках обозначается неодинаково, его называют эмиром, беком, темником и т. п. Однако в официальном смысле он занимал пост беклербека, при этом встречаются и варианты улуг бек, улу бий, и данный статус был пожалован ему ханом Тимур Кутлугом после его воцарения в 1391 г. Этот пост сохранялся за мангытским сановником и при преемниках Тимур Кутлуга [Трепавлов, 2013: 21].

Западные историки в целом игнорируют термин «бий» – ещё одну титулатуру, закрепившуюся в постордынском мире и в ряде традиций соотносимую с образом (и иногда титулованием) Едиге. В результате большинство западных исследователей, как и значительная часть российских авторов, практически не используют эту категорию при описании его статуса и функций. Между тем, как отмечает Мартин, *бий* является важным выражением социальных отношений в кочевом сообществе: он одновременно выступал судьёй и родовым лидером, а его авторитет основывался на знании обычного права и способности применять его для справедливого посредничества в конфликтах, а также на понимании экологических и материальных ограничений, задаваемых кочевым образом жизни [Martin, 2001: 35]. Бий – это любой человек, к которому спорящие стороны обращались за помощью в разрешении конфликта. Его судебная власть распространялась на сообщество только тогда, когда его призывали сами участники спора для осуществления этой функции, либо когда родственные группы привлекали его, чтобы предотвратить конфликты из-за земли или имущества (Martin, 2001: 49). Также слово «бий», которым в устной памяти ногайцев и других постордынских народов могли называть Едиге, могло закрепиться благодаря его красноречию и способности находить ответ на любой выпад. Подобную остроумную реплику мы видим в сюжете, связанном с битвой на Ворскле. Ю. Ю. Почекаев отмечает, что Едиге иронично отвечал на требования литовского князя Витовта. По версии летописного рассказа, Витовт требовал от хана Темир-Кутлуга, чтобы тот чеканил монету от имени Витовта и признал себя его данником. Хан затягивал с ответом, однако после появления Едиге в переговорном эпизоде уже он потребовал от Витовта аналогичной уступки. Витовт отказался, мотивируя это тем, что он значительно старше Темир-Кутлуга, но беклербек Едиге парировал. Сам Едиге старше Витовта, следовательно, именно Витовт должен чеканить монету от имени беклербека [Почекаев, 2019: 220]. Едиге, разумеется, понимал, что по статусу он ниже хана и требование о чеканке монеты «от имени беклербека» юридически невозможно; тем самым он продемонстрировал готовность к борьбе и одновременно высмеивал притязания Витовта. Вероятно, закреплению за Едиге ассоциации с титулом/образом *бия* могли способствовать и представления о его справедливом суде, и его остроумие. Хауорт также подтверждает данную ситуацию, однако описывает её иначе: *Его прибытие в татарский лагерь в лице Идику, ногайского вождя, стало поворотным моментом и, как говорит фон Хаммер, было похоже на появление Камилла в римском лагере, положившее конец дальнейшим переговорам с Бренном. Он предпочёл смерть, а не покорность таким условиям, и затем послал с просьбой о личной встрече с Витовтом. Два предводителя встретились на берегах Ворсклы. «Храбрый князь, наш царь справедливо признал тебя своим отцом, потому что ты старше его, но так как ты моложе меня, прошу, признай меня и помести мой портрет на монетах Литвы»* [Howorth, 1880: 261]. В римской традиции речь идёт о Marcus Furius Camillus, военном и государственном деятеле Рима IV в. до н. э., которого позднейшая историография называет «спасителем Рима». Его «аналог» в сравнении, галльский вождь Brennus, предводитель сенонов, связан с рассказом о взятии Рима галлами и переговорах о выкупе, в которых победитель навязывает условия силой и демонстративно унижает побеждённых. По римскому нарративу, появление Камилла прервало уплату выкупа и завершилось изгнанием и поражением галлов, то есть победа приписывается римлянам, хотя в современной критической литературе иногда оговаривается, что часть деталей могла быть позднейшей реконструкцией и оправданием факта выкупа. В логике Хаурорта эта аналогия нужна для характеристики Едигея как фигуры, которая резко обрывает дипломатический торг и переводит ситуацию к неизбежному силовому решению, демонстративно отвергая подчинение и задавая тон дальнейшим событиям.

Хауорт отмечал, что после поражения от Урус-хана Тохтамыш, будучи тяжело ранен, был спасён барласом Идику, которого автор называет братом эмира Тимура [Howorth, 1880: 222]. Чагатайский улус, в том числе племя барлас, длительное время сохранял выраженную монгольскую традицию, что позволяет рассматривать имя Идику как элемент монгольской ономастической среды. Параллельное присутствие близких форм этого имени в источниках по Чагатайскому улусу и Улусу Джучи, где действовал эмир Едиге, указывает на функционирование данного антропонима в общем пространстве монголосферы и тем самым повышает вероятность его монгольского происхождения по

сравнению с сугубо тюркской интерпретацией, хотя совпадение имен само по себе не доказывает тождественность персоналий.

Западные источники Едиге. Клавихо оценивал силы орды Едиге в двести тысяч всадников [Клавихо, 1990: 144]. Однако данное число следует воспринимать критически, поскольку Клавихо был послом и наблюдателем при дворе Тимура, а не составителем учета ордынских сил, и его сведения о численности степных войск нередко имеют характер оценок, основанных на слухах, дипломатических пересказах и жанровых гиперболах, типичных для позднесредневековых путешественных нарративов. Поэтому цифра двести тысяч всадников скорее отражает представления современников о масштабе угрозы и мобилизационном потенциале Улуса Джучи, чем реальную численность войска в конкретной кампании. Западный источник Ян Длугаш отмечал, что Едиге, один из князей, обычно назначал и разжаловал царей [Dlugosz, 1876: 527]. Иоанн Шильтбергер, опираясь на рассказы и собственные наблюдения, также писал о наличии в Великой Татарии особого сановника, который назначает и низвергает королей и от которого они во всем зависят, и указывал, что в рассматриваемое время эту должность занимал Едигей [Шильтбергер, 1984: 34]. В другом месте Шильтбергер приводит эпизод, в котором к Чекре и Едиге явилась знатная татарская женщина по имени Садур мелик, сопровождаемая свитой из четырех тысяч девушек, и просила помощи в изгнании правителя, виновного в гибели ее мужа, причем автор подчеркивает ее воинский образ действий и завершает рассказ казнью пленного родственника противника как актом мести, заявляя, что передает событие как очевидец [Шильтбергер, 1984: 35]. Вместе с тем Ю. В. Почекаев не находит документальных подтверждений фигуры Садур мелик и в качестве более надежно фиксируемой связи Едиге с чингизидским домом упоминает его жену Джаник ханум, дочь Тохтамышша [Почекаев, 2017: 210]. Едиге укреплял свою легитимность через династическое сближение с домом Джучи, по модели Тимура. В целом роль женщин в политической истории Улуса Джучи времени Едиге остается недостаточно ясной, поскольку источники преимущественно фиксируют действия ханов и военной знати, а женские фигуры появляются эпизодически и часто в литературно оформленных сюжетах. Тем не менее в условиях междоусобной войны обращение женщины к Едиге выглядело возможным и рациональным, так как он выступал силовым арбитром и фактическим распределителем покровительства, способным решать вопросы защиты, имущества, статуса рода и возмездия. При этом конкретный рассказ о Садур мелик следует читать критически, поскольку численность свиты и подчеркнутая исключительность героини, вероятнее всего, преувеличены и выполняют нарративную функцию, усиливая эффект сцены и значимость персонажа, а не точно отражая реальный масштаб ее ресурсов и положения.

Далее Шильтбергер сообщает, что Едигей готовился к походу в область, которую он обозначает как Сибирь, и что царевич Чекре сопровождал его в этой кампании [Шильтбергер, 1984: 35–36]. После данного замечания автор переходит к развернутому описанию Сибири, в котором появляются характерные для позднесредневековой европейской путевой литературы мотивы дальних земель, передаваемые через рассказы местных жителей и элементы чудесного, включая сведения о протяженных горных хребтах, волосатых дикарях, необычных животных и крупных собаках, используемых для упряжи. Отдельно Шильтбергер вставляет этнографическую деталь о кочевом быте, подчеркивая сезонные перекочевки татар с семьями и стадами, а также утверждая, что в месте остановки правителя якобы должны быть возведены сто тысяч юрт, что, вероятнее всего, представляет собой гиперболу, хотя сама идея кочевой ставки и масштабного размещения окружения отражает реальную практику кочевого двора.

Противоположная трактовка рассматриваемой коллизии приводится в компиляции Л. Лянгле. Согласно этому изложению, Едиге сместил хана Пулада в 1410 г. и возвел Тимура, хотя его сыновья, включая Нур ад Дина, советовали ему либо самому занять престол, либо передать его Нур ад Дину. Получив отказ, Нур ад Дин якобы начал войну против отца, а Едиге, стремясь избежать кровопролития, удалился в Хорезм. Затем, по версии Лянгле, Нур ад Дин, тронутый подобной сдержанностью, настоял на возвращении отца [Forster, 1802: 386–387].

Политическая активность Едиге в западноевропейской историографии. Западные источники, за исключением сообщений Р. Клавихо, и западная историография в целом лишь слабо освещают раннюю личную биографию Едиге. Вместе с тем В. В. Трепавлов справедливо отмечает, что современники почти не акцентируют внимание на пребывании Едиге при чагатайском дворе. Однако в пересказе кастильского посла Р. Клавихо содержания письма Тамерлана к Едигею говорится, что последний «прожил с ним двадцать лет и был тем, кому он более всех доверял». Это

доверие отразилось и в фольклорной традиции, где Едигей изображается многолетним служилым Тимура, женившимся на его дочери и получившим от него войско для войны против Тохтамышша. В 1391 г. Едиге сопровождал Тимура в походе на Золотую Орду, после чего тайно отправил послание племенам левого крыла с приказом откочевать в труднодоступные степные районы, а затем под предлогом покинул ставку гурагана, вернувшись в Дешт-и Кипчак, где его племена сумели восстановиться и стали прочной опорой его власти [Трепавлов, 2019: 120]. По аналогии с Тимуром Едиге укреплял собственную легитимность через брачные связи с «золотым родом». Он женился на дочери Тохтамышша, а также выдал свою дочь за одного из джучидских царевичей, будущего хана, стремясь тем самым нейтрализовать недоброжелательные слухи и критику в свой адрес. Однако он не располагал ещё одним важнейшим ресурсом легитимации, которым обладал Тимур [Manz, 1989: 14–15], а именно харизмой удачливого завоевателя. Поэтому Едигею пришлось прибегнуть к искусственной сакрализации собственной родословной [Трепавлов, 2019: 122]. В. В. Трепавлов, опираясь на выводы В. В. Бартольда, полагал, что Едиге во многом копировал политическую модель эмира Тимура, который управлял через подставных правителей. Примечательно, что сам Едигей, в отличие от Тохтамышша, не посягал на открытое противостояние Тимуру, даже обладая фактической верховной властью. Ю. Ю. Почекаев отмечает, что когда Тохтамыш оказался втянут в конфликт с Тимуром и кампания 1395 г. привела к новому обострению ситуации, Едиге не выступил против Тимура и не предпринял нападения на Тохтамышша [Почекаев, 2019: 127]. Подобная позиция могла быть обусловлена прежними договорённостями и политической осторожностью. Едиге не решался открыто действовать против своего бывшего покровителя Тимура, к которому, судя по поздней традиции, относился с подчёркнутым уважением и воспринимал его как фигуру наставника. Тем самым, воспроизводя тимуридскую модель власти, Едиге мог рассматривать исламский фактор как дополнительный инструмент политической мобилизации, в том числе в противостоянии с «христианскими» противниками. Однако слабая институционализация религиозной сферы в Улусе Джучи и сохранение традиционных механизмов легитимации существенно ограничивали реализацию подобных проектов. В Дешт-и Кипчак не сложилась развитая арабо-персидская, административно-канцелярская система, сопоставимая с бюрократией оседлых центров Ирана и Мавераннахра, что препятствовало формированию устойчивой религиозно-идеологической политики.

Ранняя биография Едиге остается недостаточно проясненной, однако Й. фон Хаммер Пургшталь, излагая события после поражения Тохтамышша в битве при Кондурче в 1391 г., сообщает о появлении в окружении победителя группы джучидских князей, враждебно настроенных к хану. По его версии, Кунгше оглан, Темур Кутлуг оглан и Эдегу оглан просили Тимура отпустить их на родину, чтобы привлечь на его службу дополнительные силы Орды, и именно их позиция стала одним из факторов, побудивших часть степной элиты перейти на сторону гургуана [Hammer-Purgstall, 1840: 352]. Хаммер Пургшталь подчеркивает, что Тимур, стремившийся представить себя скромным гурганом, воспринимал как почетное обстоятельство тот факт, что чингизиды и другие монгольские вожди готовы служить ему, и потому не считал возможным им отказать. Далее автор отмечает, что Тимур посадил на престол Куирршик оглана, однако реальное влияние в Орде постепенно сосредоточилось в руках Едигея, который, по характеристике Пургштала, выступал как новый Ногай и Мамай, то есть фактический распорядитель ханских назначений и правитель, действующий от имени формальных ханов [Hammer-Purgstall, 1840: 364].

Одним из первых западноевропейских авторов, упомянувших Едиге, был французский ориенталист Жозеф де Гинь. Он отмечал, что среди выходцев из кипчакской среды, оказавшихся в войске Тимура, находились Кунде оглан, Темир Кутлуг оглан и Идику Мангаб [Guignes, 2024: 227]. При этом де Гинь допускал неточности в передаче имён и форм антропонимов, однако его сообщение важно как ранняя фиксация интереса европейской традиции к фигурам ордынской элиты и к окружению Тимура. В историографическом плане показательно и то, что политическая модель Едиге сопоставлялась с логикой тимуридской власти. Подобно Эмиру Тимуру, он использовал язык исламской легитимации и опирался на титулатуру, связанную с образом мусульманского правителя и военного лидера. Однако, в отличие от Тимура, Едиге действовал в иной системе ограничений, где верховная ханская легитимность сохранялась за чингизидами, и потому он не мог прямо присвоить себе ханский статус, оставаясь в рамках должности и полномочий ордынского «делателя ханов». В этом смысле его политическая практика строилась на сочетании исламского легитимирующего дискурса с принципом чингизидской исключительности, который формально не нарушался.

В интерпретации Хаурта Едиге показан как одна из центральных фигур ордынской смуты рубежа XIV–XV вв., чья сила опиралась на мангытскую среду и собственную степную коалицию, что задаёт ему статус автономного политического лидера, а не придворного исполнителя воли хана [Howorth, 1880: 223]. Автор отдельно подчёркивает его положение как главы ногайского круга, тем самым фиксируя за Едиге самостоятельный ресурс власти, который позволял вмешиваться в борьбу за верховное правление и диктовать условия ханским претендентам [Howorth, 1880: 239]. Наиболее важная черта, которую приписывает ему Howorth, функция «делателя ханов»: Едиге не просто поддерживает кандидатов, но возводит на престол удобного для себя правителя, превращая ханскую власть в инструмент легитимации реального управления со стороны сильнейшего эмира [Howorth, 1880: 272]. В конфликте с потомками Тохтамыша Howorth демонстрирует типичную для эпохи логику: временные успехи противников становятся возможными при отсутствии Едиге, однако устойчивость власти определяется тем, кто контролирует степные силы и способен мобилизовать своих людей для решающего удара [Howorth, 1880: 270]. При этом автор специально выделяет социальную опору Едиге – связанные с ним группы степного населения, через которые объясняется, почему эмирская власть в условиях кризиса могла превосходить ханскую по фактическому влиянию [Howorth, 1880: 270]. В итоге Едиге у Howorth выступает как фигура переходного политического устройства Улуса Джучи: он олицетворяет смещение центра власти от единого ханского ядра к системе конкурирующих родовых и региональных сил, где верховная легитимность чингизидов всё чаще обслуживает реальный контроль со стороны эмирских домов [Howorth, 1880: 272]. Наконец, Howorth проводит линию долгого наследия Едиге в крымско-ногайском пространстве, связывая с его потомками происхождение отдельных титулов и закрепление влиятельных элитных линий, что позволяет рассматривать дом Едиге как один из источников институционального оформления позднейших политических традиций степи [Howorth, 1880: 611; Howorth, 1880: 651].

Едиге в европейской тарихнаме получает различную интерпретацию у Й. фон Хаммера-Пургштала и Г. Хаурта, что позволяет увидеть, как менялась оценка роли не-чингизидской аристократии в позднем Улусе Джучи. У Хаммера Едиге выводится прежде всего как «кипчакский принц» и влиятельный эмир, органично принадлежащий к внутренней политической структуре Золотой Орды [Hammer-Purgstall, 1840: 345]. Его ранняя деятельность связана с возвышением при Тимур-Кутлуге, где он входит в высшую ордынскую элиту и начинает определять распределение власти [Hammer-Purgstall, 1840: 349, 364]. Дальнейшие эпизоды подчёркивают его военную и дипломатическую инициативу: победу над Тохтамышем, переговоры с Тимуром, вмешательство в ханскую легитимацию, когда он ставит на трон Пулат-бега и фактически действует как верховный распорядитель власти [Hammer-Purgstall, 1840: 365–371]. В отношениях с Русью Хаммер показывает Едиге как активного полевого командующего, совершающего карательный поход на Киев и ведущего крупную операцию 1408 года против Москвы, где разоряются посады, но кремлёвская крепость остаётся не взята, что автор интерпретирует как переломный момент в ордынско-московских отношениях [Hammer-Purgstall, 1840: 375–377, 436–437]. Хаурт сообщает, что Едиге ожидал помощи со стороны Твери. В частности, Идику рассчитывал получить артиллерию, которую должен был доставить тверской князь, однако тот, сославшись на болезнь, повернул обратно, пройдя лишь половину пути. Отряд, отправленный вслед за великим князем, также не достиг своей цели. Тем не менее Идику решил перезимовать в Костроме и продолжить блокаду Москвы, однако вскоре был вынужден отступить, получив известия, пришедшие из Орды. К этому времени татары уже не могли собрать прежние силы, поскольку чума, нашествие Тимура и внутренние распри нанесли Орде тяжёлые опустошения. Поэтому Пулад, остававшийся в Сарае, пока его войско двигалось к Москве, оказался под властью другого претендента на престол и направил послание с требованием вернуть Идику, чтобы тот прибыл к нему на защиту. Между тем великий князь собирал войско в Костроме, намереваясь напасть на него [Howorth, 1880: 267]. Уходя из Московии, Едиге написал великому князю письмо в таких выражениях: *«Идику, посовецавшись с царевичами и князьями, шлёт Василию привет. Узнав, что ты дал приют сыновьям Токтамыша, Великий хан повелел мне выступить против тебя. Ты не только дурно обращаешься с нашими купцами, но и оскорбляешь наших послов. Спроси у своих стариков, было ли так прежде. Тогда Русь славилась верностью нам: она хранила священное уважение к ханам, регулярно платила дань и почитала наших купцов и послов. А вместо этого что ты сделал? Когда Тимур (то есть Тимур-Кутлуг) взойшёл на престол, явился ли ты к нему лично, или послал одного из своих князей, или хотя бы боярина? После смерти Тимура и в течение восьмилетнего правления Шадибека совершил ли ты хоть один акт покорности? И, наконец, за те*

три года, что Пулад находится на престоле, ездил ли ты, как старший русский князь, в Орду, как того требовал твой долг?. «Все твои поступки были преступны. Когда жил Фёдор Кошка*, русские в Москве прислушивались к его советам и вели себя должным образом, но ты больше не слушаешь Иоанна, его сына, твоего казначея и друга. Ты отвергаешь мудрые советы старейшин. Посмотри, к чему это привело: твоя страна разоряется. Если хочешь избежать этого, слушай самых мудрых бояр - Илью и Петра, и Иоанна Никитича и т. д. и пришли ко мне одного из своих вельмож с данью, какую Русь прежде посылала Джанибеку. Все оправдания, которые ты приводил ханам, ссылаясь на бедность русского народа, были ложными. Мы прошли твою землю и знаем, что с каждой двух плугов ты получаешь по рублю. Куда деваются эти деньги? Мы не хотим обращаться с тобой жестоко. Зачем же ты ведёшь себя как жалкий беглец? Подумай и прислушайся к голосу благоразумия» [Howorth, 1880: 267]. Хотя Московия формально не стала вассалом, при хане Шадибеке, ставленнике Едиге, тверские, рязанские, пронские, муромские и козельские князья вновь начали приносить дары Орде. В том же месте отмечается, что эти князья одновременно разбили татар и взяли в плен султана Мухаммада [Hammer-Purgstall, 369]. При этом источник не вполне ясно уточняет, о каком именно походе идёт речь; возможно, речь шла о чингизиде, враждебном политической линии Едиге. Всё это показывает, что Москва была лучше подготовлена в идеологическом отношении: память о Куликовской битве сознательно усиливалась и использовалась пропагандой, что работало весьма эффективно в общественном сознании; этому также способствовали географическая обособленность Северо-Восточной Руси и её установка на непримиримость. Ю. В. Почекаев отмечает, что неудача московского похода дорого обошлась Едиге. Впервые за двенадцать лет ему пришлось отказаться от должности беклербека и передать власть брату Исе, хотя сам Иса, по замечанию исследователя, не выходил из политической орбиты своего более влиятельного брата [Почекаев, 2019: 223]. Удивительно, что Иса предпочёл оставаться в тени своего старшего брата, подобно тому как Хасар оставался в тени Чингисхана. Хаммер Пургшталь передает этот эпизод как временный отход Едиге от центральной ордынской политики на фоне обострения конфликтов между потомками Уруса и Тохтамыша и связывает его дальнейшую активность с черноморским направлением [Hammer-Purgstall, 1840: 381]. Далее автор упоминает смерть Едиге, приводя два варианта, что он был убит Кадырберди или погиб, утонув в водах Сейхуна [Hammer-Purgstall, 1840: 384].

После временного изгнания Едиге возвращается как «независимый князь степи», однако в финале его власть рушится под давлением внутренних противников, и Хаммер описывает его гибель как результат заговора ближайшего окружения, закономерный исход слишком могущественного царедворца, много лет ставившего и смещавшего ханов по своему усмотрению [Hammer-Purgstall, 1840: 382, 384, 448–449]. У Хауорта же фигура Едиге помещена в другую объяснительную модель. В многотомной «History of the Mongols» Едиге характеризуется как типичный политический «king-maker», концентрировавший реальную власть в руках не-чингизидской военной элиты; в главах о правлении Тимур-Кутлуга, Шади-Бека и Пулада Хауорт показывает, что именно Едиге, а не формальные ханы, определял курс политики Орды [Howorth, 1880: 265–267]. В отличие от Хаммера, подчеркивающего встроенность Едиге в джучидскую государственность, Хауорт делает акцент на его вне-династической природе и рассматривает его деятельность как начало «мангытского» типа власти, при котором эмиры превращаются в правителей, а чингизиды в номинальных фигур [Howorth, 1880: 266–268]. Поход на Москву 1408 года у него представлен как часть широкого наступательного курса Едиге на западе, сочетающего демонстративное насилие и сложную дипломатию в отношениях с Витовтом и русскими князьями [Howorth, 1880: 268–270]. Смерть Едиге Хауорт связывает с распадом центральной власти в Орде: противники, включая Кадир-Берди, уничтожают последнего сильного эмирского правителя, и это трактуется как симптом окончательного разрушения единства Улуса Джучи [Howorth, 1880: 269–270]. Таким образом, Хаммер видит в Едиге последнего крупного политического архитектора Орды, действующего внутри легитимного джучидского поля, тогда как Хауорт трактует его как предвестника эпохи распыления власти, когда реальная политическая инициатива переходит от чингизидов к влиятельным степным эмирским родам.

Политическое чутье Едиге было достаточно развитым, и он, по-видимому, учитывал усиление Московского государства как фактор, меняющий баланс сил в регионе. Шпулер отмечает, что после похода Едиге на Москву у него возник замысел заключить союз с давним противником Витовтом для совместной борьбы против русских, однако Витовт отверг это предложение и не поддержал своего московского зятя [Шпулер, 2024: 132]. При этом и Витовт, и Едиге действовали в системе, где

существовали более высокие источники законности, игнорировать которые было невозможно. Витовт был вынужден считаться с династическими правами Ягеллонов и договорными рамками союза с Польшей, тогда как Едиге ограничивался чингизидской исключительностью ханского титула. В результате каждый из них решал задачу укрепления власти по сходной модели. Витовт наращивал фактическое влияние, иногда вступая в конфликт с центром, но не разрушая полностью легитимный порядок, а Едиге, не будучи чингизидом, осуществлял управление через формально законных ханов, сохраняя оболочку династической легитимности.

У Хауорта Едиге фигурирует под именем Idiku как «ногайский вождь», и его военные успехи раскрываются прежде всего в сюжетах, связанных с конфликтами на западном направлении. Описывая эпизод на Ворскле, Хауорт подчеркивает, что прибытие Идику в татарский лагерь фактически положило конец переговорам с Витовтом, поскольку он рекомендовал предпочесть смерть подчинению и тем самым спровоцировал начало сражения [Howorth, 1880: 261–262]. Хаммер Пургшталь, в свою очередь, отмечал, что даже артиллерия Витовта не принесла успеха против войск Улуса Джучи [Hammer-Purgstall, 1840: 365]. Поскольку Ногайская Орда как оформленное политическое образование в начале XV в. еще не существовала, обозначение Едиге как «вождя ногайцев» в строгом смысле является анахроничным, однако это авторская терминология самого Хауорта, который прямо употребляет выражение «Nogai chief Idiku» [Howorth, 1880: 449]. В другом месте он называет Едиге «Idiku the Uzbek», что показывает использование широких и местами обобщающих этнополитических ярлыков [Howorth, 1880: 10]. Тем самым Хауорт, сам того прямо не формулируя, фактически демонстрирует, что для тюркизированных монгольских групп позднеордынского времени не существовало жестких и однозначных этнических границ в современном понимании. Его колебания между обозначениями «Nogai chief Idiku» и «Idiku the Uzbek» показывают подвижность этнополитических ярлыков, которые могли зависеть от политической конъюнктуры, круга лояльности и служебной принадлежности, то есть от того, в чьей орбите находился деятель и кому он служил как хану или как беклербеку. В этом смысле одни и те же группы и личности могли в разных традициях называться узбеками, ногайцами или, в более поздней перспективе, соотноситься с казахским миром, поскольку речь шла прежде всего о политико-военной идентичности, а не о фиксированной «этничности» в строгом смысле.

Далее Хауорт описывает сражение 1399 г. как крупный успех ордынцев, отмечая разгром литовско-русских сил, маневренные действия татар в рассыпном строю, обход плотных порядков противника и удар в тыл, после чего отступающих преследовали до Днепра и значительная часть войска погибла [Howorth, 1880: 262].

Второй ключевой блок военных успехов связан с походом на Русь и Москву. Хауорт прямо называет Идику главнокомандующим татарского войска у Москвы и отмечает, что политика Пулада «в действительности диктовалась его великим подданным Идику», то есть Едигей представлен не только как полевой лидер, но и как стратег и фактический руководитель кампании [Howorth, 1880: 266–267].

По Хауорту, татары «распространились по Великому княжеству» и сожгли Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец, причём разорение описано как сопоставимое с нашествиями Бату и Тохтамыша [Howorth, 1880: 267]. Далее Хауорт пишет, что Идику намеревался зимовать в Костроме и заблокировать Москву, затем снял осаду за выплату 3000 рублей, а отступая через Коломну, взял Рязань, подчёркивая долговременную разорённость территории «от Дона до Белоозера и Галиции» [Howorth, 1880: 267–268].

Едиге был значительно более дальновидным и политически гибким, чем Мамай, Ногай и другие беклярбеки поздней Орды: получив опыт при дворе Эмира Тимура, он умело использовал поверхностную, но очень действенную исламскую риторическую традицию Улуса Джучи, подчёркивая титул *амир* как инструмент легитимации власти и тем самым создавая образ харизматичного, религиозно оправданного лидера, за которым последовали многие роды степи; при этом нельзя недооценивать его проницательность последовательно продвигая на ханский престол контролируемых им марионеток, Едиге оставался последним государственным деятелем, который предпринял реальную попытку объединить разрозненные ордынские улусы и восстановить центральное ядро Золотой Орды. Другой западный историк Питер Джэксон, опираясь на выводы ДеВиза, отмечал, что «напротив, правители, которым недоставало необходимых чингизидских качеств или которые не чувствовали себя способными их имитировать, были вынуждены опираться на иные источники легитимации». Сильная приверженность арабов генеалогии восходит к

доисламской эпохе (джахилия); и после возникновения и распространения ислама выдающимся предком обычно становился халиф (не обязательно из семьи Пророка), саййид, видный ранний мусульманский лидер или царь. Новым явлением, которое проявляется в позднечингизидскую эпоху, становится обращение к происхождению (реальному или приписываемому) от личности, тесно связанной с процессом исламизации. Так, эмир Золотой Орды Едигю, находившийся под постоянными нападками со стороны сыновей Тохтамыша, разработал родословную, выводившую его происхождение к суфийскому шейху Баба Туклесе, которому народное предание приписывало решающую роль в обращении хана Узбека столетием ранее» [Jackson, 2017: 319]. Французская исследовательница Мари Фаверо в символически озаглавленном разделе «Новое поколение» акцентирует, что Тохтамыш и Едиге олицетворяли смену политической генерации. Она отмечает, что Тохтамыш вступил в противоборство с Тамерланом, однако в итоге верх взяла мангытская сторона, и влияние Едиге последовательно росло, распространяясь на большинство джучидских орд. Его престиж, по Фаверо, опирался, во первых, на статус беклярбека, заслуженный подтверждёнными полководческими способностями, во вторых, на близость к потомкам Тока Темира, и, в третьих, на образ благочестивого мусульманина. В качестве показательного штриха приводится факт, что жена Едиге совершила паломничество в Мекку в 1416 году в сопровождении трёхсот человек, а самого Едиге на протяжении всей жизни окружали суфии [Favereau, 2021: 368].

Немецкий историк Бертольд Шпулер, в свою очередь, пишет, что по инициативе Едиге хан Темир Кутлуг начал переговоры накануне битвы при Ворскле, стремясь либо избежать столкновения, либо выиграть время для более выгодного расположения войск. Шпулер подчёркивает, что, несмотря на уговоры литовского воеводы Спытка из Мельштына своему государю Витовту, Тохтамыш и Витовт были настроены на сражение [Шпулер, 2024: 127].

Р. Ю. Почекаев предлагает иной акцент в интерпретации событий. По его мнению, затягивание начала сражения следует связывать прежде всего с действиями и расчетами хана Темир Кутлуга, который ожидал прибытия самого Едиге и потому не спешил переходить к решающему столкновению [Почекаев, 2019: 219]. Данная версия представляется более правдоподобной, хотя не исключено, что до своего прибытия Едиге мог воздействовать на ход событий косвенно, направляя посланцев и передавая рекомендации выиграть время и удерживать войска до его подхода.

Д. ДеВиз (DeWeese) также уточняет традиционное представление о роли Едиге, отмечая, что он не может рассматриваться как однозначный основатель Ногайской орды. Анализируя связь Едиге с мангытами, исследователь подчёркивает, что Едиге выступает как мангытский эмир, однако степень его реальной опоры на племя оценить затруднительно. Другие мангытские вожди действовали вполне самостоятельно, а военная и политическая активность самого Едиге выходила далеко за пределы мангытских территорий. По этой причине его нельзя уверенно считать историческим основателем Ногайской орды или мангытского улуса, хотя именно его сыновья и внуки сыграли решающую роль в консолидации ногайской конфедерации и заняли положение правящего дома, причем Ибн Арабшах подчёркивал многочисленность потомства Едиге, говоря, что сыновей было около двадцати и каждый из них являлся могущественным правителем [DeWeese, 1994: 343–345].

При этом ДеВиз специально отмечает, что становление Ногайской орды под руководством дома Едиге шло параллельно почти одновременной консолидации «узбекской» племенной конфедерации; эта связка двух процессов – «ногайского» и «узбекского» – обычно игнорируется в историографии, хотя именно она помогает понять, почему вокруг фигуры Едиге оформляются различные конкурирующие легенды об исламизации Улуса Джучи (сосредоточенные то на Баба Туклесе, то на Саид-Ата). [DeWeese, 1994: 345]. ДеВиз фиксирует, что в некоторых поздних источниках (например, у Эвлии Челеби) происходит прямое смешение фигур Узбека и Едиге: роль Едиге в войне Темира и Тохтамыша приписывается «Узбек-хану», специально названному обращённым в ислам. Исследователь интерпретирует этот сдвиг как отражение устойчивой популярной ассоциации обеих фигур с исламизацией Улуса Джучи и с культом Баба Туклеса [DeWeese, 1994: 343]. ДеВиз подчёркивает, что у Едиге «народная» популярность складывается не только из военной силы, но и из образа мудрого вождя. В «Чингиз-наме» Отемиш-хаджи, писавшего для ханов, конфликт с чингизидами замалчивается, но приводится «изречение» Едиге, что показывает его статус источника афористической мудрости: он якобы говорил, что лучшее зло, которое можно пожелать врагу, – это невежество и неспособность слушать людей знающих; даже тот, кто сам не знает, но умеет внимать знающим, уже обладает мудростью [DeWeese, 1994: 340–341]. Данная поговорка была заимствована и в среде других постордынских народов, в том числе у казахов, где

она фиксируется в форме: «Өзің білме, білгеннің тілін алма». В историографической и фольклорной традиции встречается атрибуция этих слов калмыку как обращения к Абылаю, причём казахский хан якобы воспринимал их как одно из наиболее тяжёлых проклятий [Нұрұшов, 1959: 9]. Однако подобная привязка, будучи включённой в нарратив о казахской политической культуре, имеет выраженную мифотворческую основу и по своему характеру напоминает поздние легитимирующие конструкции, типологически сопоставимые с традицией, восходящей к Утемиш-хаджи. При этом отсутствуют надёжные основания утверждать, что данное изречение действительно принадлежало Едиге, хотя нельзя исключать, что он мог высказывать подобные мысли. В определённом смысле Едиге мог бы предстать философом, если бы не жил в эпоху непрерывных войн и политической нестабильности.

Особо важно для истории образа Едиге то, как его описывает венецианец Иосафат Барбаро. У Барбаро «вера Махомета» якобы становится обязательной среди «татар» примерно 110 лет назад, а до того каждый мог верить во что хотел, вплоть до поклонения тряпичным идолам на повозках. «Принуждение» к принятию ислама, по его словам, началось «во времена Едиги», военного командира (*capitano*) при «Сидахамет-хане» (здесь память явно спутала разных ханов). ДеВиз интерпретирует это как свидетельство того, что уже в XV в. в популярной памяти Едиге напрямую связывался с исламизацией улуса [DeWeese, 1994: 341]. ДеВиз указывает на тесную связь «дома Едиге», мангытов и «узбеков» середины XV в.: в *hagiographica* XVI в. земли Ногайской орды прямо называются «Узбекистаном», а термин «мангыт-узбеки» встречается довольно часто. Из этого он делает вывод, что Ногайская орда как отдельная политическая единица, связанная с домом Едиге, сложилась севернее и западнее Хорезма лишь после шока от поражения Абулхайр-хана от ойратов (1457 г.) и окончательного распада его конфедерации после смерти (1468 г.) [DeWeese, 1994: 347]. Есть основания полагать, что Едиге был теологически более подготовлен, чем многие чингизиды, включая хана Узбека, и умел выстраивать легитимацию власти не столько на уровне доктринальной теории, сколько на практическом, прикладном уровне.

Важная деталь у ДеВиза – сообщение аль-Макризи о том, что именно Едиге якобы «запретил татарам продавать своих детей», резко сократив поток рабов из Улуса Джучи в Египет и Сирию. Исследователь допускает, что это могло быть и средством подорвать экономическую базу чингизидских соперников, но одновременно видит в этом симптом роста «общей тюрко-татарской» идентичности кочевников, уже не делившихся так легко на «монгольских завоевателей» и «кипчакских подданных». Такая идентичность, по мысли ДеВиза, прежде всего формировалась на уровне племенной знати вроде Едиге, а не у чингизидской верхушки [DeWeese, 1994: 339–340].

Едиге превращал ханов в политических марионеток, однако сам не желал становиться инструментом чужих держав. В этом смысле он оказался одним из последних деятелей Золотой Орды, при котором Улус Джучи ещё сохранял статус значимой военно-политической силы. На это указывал Бертольд Шпулер, подчёркивая, что Едиге выступал против любого иностранного вмешательства независимо от того, откуда оно исходило. В результате его противостояние оставило Литве разорение и значительные убытки [Шпулер, 2024: 136]. Шпулер отмечает, что со смертью Едиге процесс распада Золотой Орды приобрёл необратимый характер и фактически завершился окончательной фрагментацией ордынского политического пространства [Шпулер, 2024: 137]. Действительно, после смерти Едиге Орда стала заметно более фрагментированной и постепенно превратилась в объект политической игры соседних оседлых государств. В этом отношении ситуация сопоставима с последствиями смерти его чагатайского аналога Эмира Тимура, поскольку после ухода харизматического лидера политическая конструкция быстро ослабла и вошла в фазу распада. При этом часть постордынских образований всё больше попадала в орбиту внешних центров силы. Так, Крымское ханство со временем опиралось на поддержку Османской империи и в итоге стало её вассалом. Однако дальнейшие траектории двух наследий различались. Тимуридская линия сумела закрепиться в оседлом мире, в том числе в индо-пакистанском пространстве, тогда как мангыты продолжили существование преимущественно в рамках степной тюрко-монгольской ордынской традиции и не радикально меняли привычные формы кочевого уклада.

После смерти Едиге мангытский юрт окончательно обособился. Хотя изначально мангыты придерживались линии поддержки урусидов, эта политическая ориентация закрепилась главным образом в Казахском и Крымском ханствах, а также в среде аштарханидов. В результате мангыты уже не стали единым народом и единой политической силой, как мечтал Едиге, напротив, различные группировки постепенно оказались в состоянии взаимной вражды. При этом ногайцев трудно считать

единственными виновниками этого распада, поскольку люди той эпохи действовали в условиях постоянных кризисов и прежде всего думали о собственной легитимности и власти. Мангытская знать также прагматично осознавала ценность самостоятельного господства и, привыкнув к реальной политической силе, уже не стремилась к объединению под прямым контролем чингизидов. Более того, мангытов подстерегала опасность со стороны чингизидов, которые стремились ограничить их влияние и вернуть контроль над властью. В этих условиях мангыты прежде всего думали о собственной выживаемости и сохранении политического веса, однако они уже не могли обезопасить себя от общего процесса распада Орды. Именно поэтому ногайские и мангытские группировки, несмотря на стремление удержать самостоятельность, оказались втянуты во внутреннюю фрагментацию, которую сами до конца не предвидели. В итоге многочисленные мангытские элиты постепенно пришли не только к политическому расколу, но и к взаимным конфликтам, вплоть до распрей и убийств между своими же союзниками и родственными линиями.

Шпулер специально обращал внимание на путаницу имен в разделе, посвященном Едиге, и фактически фиксировал проблему разночтений антропонимов при описании ордынских претендентов 1410-х гг. Эти разночтения во многом обусловлены наложением политической реконструкции событий на источниковедческую трудность передачи имен в разных письменных традициях и языках. В изложении Шпулера осенью 1416 г. Ягайло и Витовт выдвигают против ставленника Едигея кандидата из числа сыновей Тохтамыша, при этом используется западная, польская форма имени Ярымберди, после чего подчеркивается неустойчивость именованного и возможность искажений при передаче близких по структуре имен с компонентом берди, что порождает пересечения форм и затрудняет разведение отдельных персоналий в нарративе [Шпулер, 2024: 136–137]. У Почекаева те же события встроены в более последовательную схему борьбы вокруг Идигу, смены ханских фигур и конкуренции претендентов, где Керим Берди, Кебек и Джаббар Берди выступают как различаемые акторы, а вариативность имен объясняется различием источниковых корпусов и традиций фиксации антропонимов (Почекаев, 2019: 224–225). Для пояснения этой вариативности допустимо приводить типовые арабографические формы компонентов имен без привязки к конкретной рукописи, например Керим كرىم, Кадыр قادر, Хайдар حيدر, Хыдыр или Хидр خضر, Джабир جابر, Джаббар جبار, а также компонент берди в тюркских именах بردي или بيردي. При переходе между арабографической записью, тюркско-русской и польско-литовской передачей начальный компонент мог переосмысливаться и видоизменяться, что порождало формы типа Ярым, Кадыр, Хайдар или Хыдыр, поэтому варианты вроде Хадер или Хидер берди корректнее рассматривать как производные разночтения традиции передачи имени, а не как самостоятельную ханскую фигуру при отсутствии прямой фиксации в первоисточнике или критическом издании [Шпулер, 2024: 136–137; Почекаев, 2019: 224–225].

Едигей погиб в 1419 г. [Шпулер, 2024: 137]. По Хауорту, Едиге (в тексте Idiku) погиб вскоре после конфликта с Кадирберди. По одному сообщению он был убит в самой схватке, а по другому - утонул в Сихуне (Сырдарье). [Howorth, 1880: 275]. На основании возрастных ориентиров можно заключить, что крупнейшие победы Едиге пришлось на зрелые годы. При Ворскле ему было примерно 42–47 лет, в походе на Москву около 51–56 лет, а разорение Киева он осуществил уже в пределах 59–64 лет, незадолго до гибели в 1419 г. Следовательно, фактический Едиге оказался долгожителем даже по меркам правящей элиты Улуса Джучи, и вероятная старческая ослабленность или болезнь могли облегчить его убийство. Ю. Почекаев отмечает, что Едиге погиб от руки сторонников Кадырберди. По одной версии он получил ранение в стычке и умер от него, по другой был разрублен в самой битве, позднее погиб и сам Кадырберди, умерший в Крыму [Почекаев, 2019: 226]. По данным источников Едигей, осознавая близость конца, заставил своих сыновей поклясться после его смерти служить его ставленнику Хаджи Мухаммеду [Почекаев, 2019: 227]. В дальнейшем потомки Едиге сохраняли верность его политическим идеалам, однако со временем, осознав, что их демографический и военный потенциал не уступает, а местами и превосходит ресурсы соперников, оформили собственный политический центр, Ногайскую Орду. В эпоху ослабления Чингизидов усиление власти беклярбеков было закономерным явлением. Аналогичные процессы наблюдались и в Монголии. В монгольских степях выдвинулся Эсен-тайши, ойратский военный лидер, фактически ставший главным правителем при формальном сохранении чингизидской верховной легитимности.

В целом тот же Британский историк Хауорт пишет что Едиге конфликтовал с сыновьями также. Согласно Абдул Гассару, Тимур и Пулад были протееже соответственно Идику и его сына Нур ад Дина, причём Идику поддерживал первого. Однако из уже упомянутых фактов гораздо вероятнее, что именно его сын поддерживал нового хана, тогда как сам Идику покровительствовал Пуладу. Только

что названный автор сообщает, что Идику и Нур ад Дин поссорились из-за своих кандидатов на престол и что первый, предпочтя не вступать в бой со своим сыном, удалился в Хорезм, куда Нур ад Дин, не тронутый отцовской великодушностью, преследовал его. Хауорта Нур ад Дин показан прежде всего как сын Едигея (Idiku) и как самостоятельный политический актер, вовлеченный в борьбу за ханский престол. Хауорт, ссылаясь на Абдул Гассара, сообщает, что Тимур и Пулад считались протезе соответственно Едиге и его сына Нур ад Дина, причём в одной версии Едигей поддерживал Тимура, однако сам Хауорт считает более вероятным обратное распределение влияния, что именно Нур ад Дин поддерживал нового хана, тогда как Едиге выступал покровителем Пуладу [Howorth, 1880: 269].

Далее Хауорт подчёркивает, что между Едиге и Нур ад Дином возник конфликт из-за «своих кандидатов на престол», и Едигей, чтобы не вступать в прямую схватку с сыном, удалился в Хорезм, но Нур ад Дин, «не тронутый великодушием отца», преследовал его [Howorth, 1880: 269]. В дальнейшем, при воцарении Джелал ад Дина (старшего сына Тохтамыш), Хауорт фиксирует продолжение этой линии: воспользовавшись отсутствием Едигея, Джелал ад Дин выступил против Тимура, захватил престол и затем пытался уничтожить Нур ад Дина, при этом в борьбе убил Пуладу, тогда как Нур ад Дин сумел спастись [Howorth, 1880: 270]. Хауорт добавляет важную психологическую деталь, что Нур ад Дин «избежал гибели, но раскаялся, что не последовал совету своего отца», что усиливает образ Едигея как опытного патрона и стратегического наставника, а Нур ад Дина как фигуры, действующей в условиях стремительной дестабилизации ханской власти [Howorth, 1880: тот же].

Одной из причин неудачи власти Едиге была ее цикличность, обусловленная тем, что его политический авторитет в Улусе Джучи носил не правовой и наследственный, а доказательный характер и напрямую зависел от текущего успеха. В ситуации, когда верховная легитимность формально принадлежала лишь чингизидам, Едиге как не чингизид был вынужден постоянно воспроизводить свое лидерство через демонстрацию военной эффективности, контроль над распределением добычи и способность обеспечивать безопасность кочевых групп и торговых коммуникаций. Поэтому каждая победа временно повышала его престиж и расширяла круг сторонников, тогда как каждое поражение немедленно подрывало доверие союзной знати, провоцировало переход влиятельных групп к альтернативным джучидским претендентам и превращало самого Едиге в фигуру, чье лидерство требовало непрерывного подтверждения. Подобная зависимость от постоянного успеха делала власть сильного эмира структурно нестабильной, поскольку она опиралась на краткосрочную коалицию интересов, а не на институционально закреплённый механизм преемственности, вследствие чего колебания военной удачи и ресурсной базы неизбежно переводили политический режим в фазу утраты и последующего возврата влияния через новое собрание коалиции.

Без сомнения, Едиге обладал высоким политическим интеллектом и в известном смысле стал функциональным аналогом Эмира Тимура в Чагатайском улусе - но в рамках джучидской политической среды. При этом Тимур формировался в более «оседлом» окружении и в условиях сильного персидского культурно-административного влияния, тогда как Едиге действовал в более традиционном кочевом обществе, где существовало значительно больше конкурирующих между собой чингизидов, и где персидский фактор был куда слабее. Едиге, вероятно, переоценил устойчивость выбранной им модели легитимации и управления. Однако сама эта модель не могла работать в Улусе Джучи так же эффективно, как у Эмира Тимура, поскольку Тимур опирался на персидскую бюрократическую традицию и более оседлый политический уклад, где власть легче превращалась в устойчивый административный механизм. В ордынской среде ситуация была иной: джучидская элита оставалась значительно более мобильной, внутренне конкурентной и демографически многочисленной, а постоянное появление новых претендентов делало политическое пространство более текучим. Поэтому попытка переноса тимуридского образца в условия степной государственности давала ограниченный эффект и не обеспечивала Едиге долгосрочной стабильности власти.

Эпос Едиге в западной историографии. В фундаментальном исследовании немецкого тюрколога Андреа Шмица эпос об Едигее интерпретируется как надэтническая и трансрегиональная традиция позднего Улуса Джучи, охватывающая ногайские, казахские, каракалпакские и крымскотатарские версии, которые образуют единый героический комплекс [Schmitz, 1996: 13–115]. Шмиц подчёркивает, что историческое ядро, деятельность эмира Едиге как ключевого политического

актера начала XV века – в эпосе претерпевает глубокую художественную переработку, что отражено в анализе генезиса повествования [Schmitz, 1996: 115–159]. Он классифицирует основные редакции эпоса и показывает, что каждая отражает собственный политический контекст: ногайские варианты подчёркивают роль Едиге как прародителя мангытской власти, казахские – как фигуру, связывающую происхождение с кыпчакско-ордынским наследием, а крымскотатарские как героя, встроенного в историю региональных государств [Schmitz, 1996: 159–180]. Особое внимание Шмиц уделяет функционированию эпоса как политического мифа и его рецепции в разных культурах Средней Азии, что обсуждается в соответствующем разделе книги [Schmitz, 1996: 180]. Обобщая предыдущую историографию от записей Радлова и Валиханова до советских фольклористических традиций Шмиц показывает, что прежние исследования страдали этноцентрической и идеологической ограниченностью и предлагает рассматривать «Едиге» в широком сравнительном контексте евразийского героического эпоса как продукт политической фрагментации после распада Золотой Орды [Schmitz, 1996: 198–209].

Эпос об Едиге известен также у каракалпаков, чья традиция нередко рассматривается как одно из ответвлений постордынского, в том числе ногайского, культурного пространства. Одним из первых исследователей, систематически привлекавших каракалпакский вариант эпоса, был Карл Райхль. Он использует каракалпакский эпос об Едиге как один из ключевых примеров для демонстрации трудностей перевода тюркских устных эпических текстов на европейские языки и связанных с этим потерь смысла, стилистики и формульной поэтики (Reichl, 2016: 76)

Также историк Андреа Шмиц, цитируя английских исследователей, отмечал, что героизация особенно характерна для так называемого «варварского периода», когда она выступает как преимущественная форма репрезентации прошлого в условиях архаического общественного устройства, существование которого предполагало сложные и устойчивые внешние связи [Schmitz, 1996: 10]. Вместе с тем героизацию целесообразно трактовать не как прямой признак «варварской стадии» общественного развития, а как следствие ограниченной способности общества к критическому осмыслению и проверке информации, что облегчает преувеличения, формирование мифологем и сакрализацию отдельных исторических фигур. В подобных контекстах героический нарратив выполняет прагматические функции. Он обеспечивает символическую легитимацию войны и перераспределения ресурсов, задаёт модели допустимого поведения и действует как инструмент нравственно воспитательного воздействия. Через героизацию прошлого закрепляется нормативная система ценностей и поддерживается коллективная память, ориентированная не на критическое знание, а на воспроизводство образцов предков как эталонов социального и политического порядка.

ДеВиз, анализируя тюрко-татарскую историческую и эпическую традицию, подчёркивает, что в татарских исторических сочинениях и в большинстве версий эпоса Баба Туклес систематически фигурирует как предок Едиге или Идиге, а иногда даже как отец героя. Через фигуру святого эпическая традиция сакрализует власть дома Едиге, соединяя исламские мотивы, в частности происхождение от Абу Бакра и статус авлия, с внутреннеазиатскими представлениями о родовом духе покровителя и с легендами об истоках самого ногайского сообщества [DeWeese, 1994: 420–421, 435–436]. В этом отношении сакрализацию Едиге через мотив происхождения логичнее объяснять не как «суннитскую норму», а как сочетание двух механизмов, которые в суннитском мире действительно обладали значительной легитимирующей силой. Во-первых, это суфийский механизм бараки и легитимации через связь с авлия и святыми, через силсила и «священные» генеалогии, где происхождение функционирует как язык духовного статуса и общественного признания. Во-вторых, это более широкий исламский, а по происхождению частично и шиитский, мотив особого достоинства линии Ахль аль Байт, который мог проникать в суннитские общества не как догматика имамата, а как символический ресурс почёта и святости, особенно в среде культов святых и локальных религиозных традиций. Едиге, по сути, был одним из первых беклербеков Улуса Джучи, кто пытался осмыслить собственную власть не только как военную и административную, но и как сакрально оправданную. В эпической традиции его легитимация связывается с тем, что он воспринимал себя потомком святого Баба Тукли, то есть выводил свою исключительность из религиозного происхождения и принадлежности к миру мусульманских святых. Именно такой механизм сакрализации усиливал его политический образ и делал его фигуру более запоминающейся по сравнению с другими беклербеками, которые обычно оставались лишь «силовыми правителями при ханах». В результате Едиге закрепился в памяти не только как полководец и назначатель ханов, но и как властитель, сумевший через ум и идеологический расчёт соединить политическую власть с

религиозной аргументацией, что обеспечило длительную устойчивость его авторитета в поздней традиции.

В главах об эпосе «Идеге» ДеВиз показывает, что развитие эпоса в среде ногайцев отражает политическое возвышение дома Едиге: широкое распространение сказаний об Идеге он датирует XV–XVI вв., когда Ногайская орда была наиболее консолидирована. Уже Ибн Арабшах в середине XV в. отмечал, что о Едиге рассказывают «удивительные истории и сказания», а описания Едиге у Ибн Арабшаха, Барбаро и Шильтбергера несут явные следы влияния устной эпической традиции и раннего связывания образа Едиге с исламизацией его владений [DeWeese, 1994: 412–413].

Как отмечал венгерский историк Шомфай Кара, исламские традиции Центральной Азии, прежде всего суфизм, оказали существенное влияние на формирование народных верований и устной традиции кочевых тюрков. В эпосе об Едиге это проявляется в отождествлении предков рода с мусульманскими святыми, что служило важным средством легитимации родового статуса и власти. При этом генеалогическое предание мангытов демонстрирует синтез исламских и доисламских представлений в тюркском фольклоре, а сам исследователь оговаривает, что не имеет возможности проанализировать все связанные с этим проблемы в полном объеме [Kara, 2010: 127]. Суфизм в степной среде оказывался особенно привлекательным именно благодаря возможности совмещения с тенгрианскими элементами, прежде всего с культом предков, поскольку в обоих религиозных комплексах память о предках и почитание родовой линии занимали значимое место.

Эпос об Едиге демонстрирует редкий для мировой традиции случай, когда героизация возникает не на фоне внешних войн, а в контексте внутренних гражданских конфликтов, связанных с распадом политических структур и потребностью общества в идеализированной фигуре, способной символизировать утраченное единство. Подобный механизм наблюдается в китайском «Троецарствии», где участники гражданской войны превращаются в образцы мудрости и верности, а также в индийской «Махабхарате», где междоусобица двух родственных линий возводится в основу моральной космологии. Даже «Илиада», формально описывающая внешнюю войну, отражает внутренний кризис эллинского мира и создает панэллинский идеал героя. Германская «Песнь о Нибелунгах» и японские «Хэйкэ-моногатари» и «Гэмпэй дзоси» также преобразуют династические конфликты в эпические сюжеты, призванные объяснить трагедию распада. В тюрко-монгольской традиции этот тип героизации проявляется особенно ясно. Эпос об Едиге возникает в условиях глубоких внутренних войн XIV–XV вв., а сам Едиге предстает как последний харизматичный лидер, пытавшийся восстановить единство Улуса Джучи. Таким образом, в различных цивилизациях, от Греции и Индии до Японии и Золотой Орды, эпос о гражданских войнах служит культурным способом осмысления политической фрагментации, превращая участников междоусобиц в символы утраченного порядка и идеалы желаемой государственности.

Выводы. В западноевропейской традиции изучения истории Улуса Джучи и политических фигур позднеордынского периода заметное место занимают обобщающие труды Г. Хаурта и Й. фон Хаммера-Пургшталя. Хаурт в многотомной «History of the Mongols» стремился реконструировать политическую историю Золотой Орды на основе широкого круга восточных и европейских сообщений, формируя один из наиболее ранних систематизирующих нарративов о борьбе за власть и роли «теневых правителей» в ордынской политике. В свою очередь Хаммер-Пургшталь в труде «Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak» представил одну из первых европейских попыток цельного описания истории Золотой Орды в Кыпчаке, опираясь на восточную письменную традицию и раннюю ориенталистическую методологию. Их подходы и оценки могут быть продуктивно переосмыслены и уточнены через сопоставление с современными исследованиями Ю. Ю. Почекаева и В. В. Трепавлова, которые существенно углубляют анализ механизмов легитимации, роли чингизидской династической законности, брачной политики и реальных инструментов власти степных эмиров, включая фигуру Едиге, что позволяет критически отделять позднейшие нарративные клише от реконструируемых исторических реалий.

Труды Г. Хаурта и Й. фон Хаммера-Пургшталя представляют ранний пласт западноевропейской историографии Золотой Орды и фигуры Едиге, формируя обобщающий ориенталистский нарратив, основанный на компиляции восточных и европейских известий. Их интерпретации целесообразно сопоставлять с современными исследованиями Ю.Ю. Почекаева и В.В. Трепавлова, которые уточняют политико-правовые механизмы власти, практики легитимации и роль чингизидской династической нормы в карьерной модели Едиге.

Если в ильханидской историографии, особенно у Рашид ад-Дина, легитимация монгольской власти строилась преимущественно через чингизидскую генеалогию, монгольскую родовую память и универсальную историю потомков Чингисхана, то в традициях, связанных с Едиге, наблюдается иной механизм легитимации. Поскольку Едиге не был ханом-чингизидом, его политический авторитет нуждался в дополнительном сакральном обосновании. Поэтому в ногайской, татарской и эпической традиции его происхождение связывалось не столько с Чингисханом, сколько с исламской святостью, Баба Туклесом и генеалогической линией, восходящей к Абу Бакру.

Литература

Алпысбес, Алеушинов, 2023 – *Алпысбес М. А., Алеушинов Ф. Т.* Роль Едиге би в истории Улуг Улуса (Золотой Орды) // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2023. Т. 10. № 3. С. 464–478.

Измайлов, 2024 – *Измайлов И. Л.* Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12. № 4. С. 858–872.

Почекаев, 2018 – *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: биографии ханов и правителей Золотой Орды. Санкт-Петербург: Евразия, 2018. 455 с. ISBN 978-5-91852-010-9.

Почекаев, Почекаева, 2017 – *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии: история и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Евразия, 2017. 384 с. ISBN 978-5-91852-163-2.

Трепавлов, 2001 – *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. Москва: Восточная литература, 2001. 752 с.

Трепавлов, 2013 – *Трепавлов В. В.* Орда самовольная: кочевая империя ногаев XV–XVI веков. Москва: Квадрига, 2013. 224 с.

Трепавлов, 2019 – *Трепавлов В. В.* Едигей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 1 (75). С. 119–123.

Уалиев, Кушкумбаев, 2024 – *Уалиев Т. А., Кушкумбаев А. К.* К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идегее // *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12. № 4. С. 782–813.

Шильтбергер, 1984 – *Шильтбергер И.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. З. М. Бунятова. Баку: Элм, 1984. 86 с.

Шпулер, 2017 – *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / пер. с нем. С.Ю. Чупрова. Москва: ЗАО «Центрполиграф», 2017. 415 с. ISBN 978-5-9524-5275-6.

Atwood, 2023 – *Atwood T.* The Secret History of the Mongols / translated with an introduction by Christopher P. Atwood. London: Penguin Classics, 2023. ISBN 978-0-241-19791-2.

DeWeese, 1994 – *DeWeese D. A.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

Dlugosz, 1876 – *Dlugosz J.* Joannis Dlugossii seu Longini Historiae Polonicae libri XII. Tomus III: Libri IX–X / ad veterum librorum manuscriptorum fidem recensuit, variis lectionibus annotationibusque instruit Ignatius Zegota Pauli; cura et impensis Alexandri Przezdziecki. Cracoviae: Typographia Kirchmayeriana, 1876.

Favereau, 2021 – *Favereau M.* The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021.

Forster, 1802 – *Forster G.* Voyage du Bengale a Petersbourg a travers les provinces septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne etc. Suivi de l'Histoire des Rohillahs et de celle des Seykes; traduit de l'anglais avec des additions considérables et une Notice chronologique des Khans de Crimée par L. Langles. Paris: Imprimerie de Delance, An X, 1802. 3 vol.

Guignes, 2024 – *Guignes J.* de Mogollar: Hunlar, Mogollar, Turkler ve Diger Bati Tatarlarinin Genel Tarihi / haz. Bekir Kalender. Ankara: Gece Kitapligi, 2024. ISBN 978-625-425-871-8.

Hammer-Purgstall, 1840 – *Hammer-Purgstall J.* von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: Verlag von Hartleben, 1840.

Howorth, 1880 – *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. London: Longmans, Green, and Co., 1880.

Jackson, 2017 – *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London: Yale University Press, 2017. XXI + 614 p.

Kara, 2010 – *Kara, D.* Baba Tukli and the swan girl: legitimising elements in the Turkic epic Edige // *Acta Orientalia*. 2010. Vol. 63. No. 2. Pp. 117–132.

Manz, 1989 – *Manz B. F.* The Rise and Rule of Tamerlane. New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989.

Martin, 2001 – *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York: Routledge, 2001.

Mongol khelnii ikh tailbar tol', 2016 – *Mongol khelnii ikh tailbar tol'*. Stat'ia "EDUGEE" [Electronic resource]. 2016. Available at: website "Mongol khelnii ikh tailbar tol'".

Nurushov, 1959 – *Nurushov S. N.* Qazaqtyn khalyq maqal-darinin damu tarikhnan. Almaty: Qazaqtyn memlekettik korkem adebiet baspasy, 1959.

Pelliot, 1949 – *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar". Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. Vol. 2.

Raiki, 2009 – *Raiki, A.* Mongolian Etymological Dictionary. Version 1.1; compiled 2006–2009. 47 p. Academia.edu.

Schmitz, 1996 – *Schmitz, A.* Die Erzählung von Edige: Gehalt, Genese und Wirkung einer heroischen Tradition. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996. 234 S.

Wilson, 2022 – *Wilson, J. W.* Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 332–343.

References

Alpysbes, Aleushinov, 2023 – *Alpysbes, M. A., Aleushinov, F. T.* Rol' Edige bi v istorii Ulug Ulusa (Zolotoi Ordy) [The Role of Edige Bi in the History of Ulug Ulus (Golden Horde)]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2023. Vol. 10. No. 3. Pp. 464–478. [in Russian]

Atwood, 2023 – *Atwood, T.* The Secret History of the Mongols. Translated with an introduction by Christopher P. Atwood. London: Penguin Classics, 2023. ISBN 978-0-241-19791-2.

DeWeese, 1994 – *DeWeese, Devin A.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

Dlugosz, 1876 – *Dlugosz, Jan.* Joannis Dlugossii seu Longini Historiae Polonicae libri XII. Tomus III: Libri IX–X [The Twelve Books of the Polish History of Jan Dlugosz, or Longinus. Vol. III: Books IX–X]. Recensuit Ignatius Zegota Pauli. Cura et impensis Alexandri Przedziecki. Cracoviae: Typographia Kirchmayeriana, 1876. [in Latin]

Favereau, 2021 – *Favereau, Marie.* The Horde: How the Mongols Changed the World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021.

Forster, 1802 – *Forster, George.* Voyage du Bengale a Petersbourg a travers les provinces septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne etc. Suivi de l'Histoire des Rohillaes et de celle des Seykes [Journey from Bengal to St Petersburg through the Northern Provinces of India, Kashmir, Persia, the Caspian Sea, etc. Followed by the History of the Rohillas and the Sikhs]. Traduit de l'anglais avec des additions considerables et une Notice chronologique des Khans de Crimée par L. Langles. Paris: Imprimerie de Delance, An X, 1802. 3 vol. [in French]

Guignes, 2024 – *Guignes, Joseph de.* Mogollar: Hunlar, Mogollar, Turkler ve Diger Bati Tatarlarinin Genel Tarihi [The Mongols: A General History of the Huns, Mongols, Turks and Other Western Tatars]. Haz. Bekir Kalender. Ankara: Gece Kitapligi, 2024. ISBN 978-625-425-871-8. [in Turkish]

Hammer-Purgstall, 1840 – *Hammer-Purgstall, Joseph von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland [History of the Golden Horde in Qipchaq, that is, of the Mongols in Russia]. Pesth: Verlag von Hartleben, 1840. [in German]

Howorth, 1880 – *Howorth H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division I. London: Longmans, Green, and Co., 1880.

Izmailov, 2024 – *Izmailov I. L.* Idegei: istoricheskaiia lichnost' i ee otsenka v otechestvennoi istoriografii [Idegei: A Historical Personality and His Assessment in National Historiography]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2024. Vol. 12. No. 4. Pp. 858–872. [in Russian]

Jackson, 2017 – *Jackson P.* The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London: Yale University Press, 2017. xxi + 614 p. [in English]

Kara, 2010 – *Kara D.* Baba Tukli and the swan girl: legitimising elements in the Turkic epic Edige. *Acta Orientalia*. 2010. Vol. 63. No. 2. Pp. 117–132.

Manz, 1989 – *Manz B. F.* The Rise and Rule of Tamerlane. New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989.

Martin, 2001 – *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. London; New York: Routledge, 2001. [in English]

Mongol khelnii ikh tailbar tol', 2016 – *Mongol khelnii ikh tailbar tol'* [The Great Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. Stat'ia "EDUGEE". 2016. Available at: website "Mongol khelnii ikh tailbar tol'". [in Mongolian]

Nurushov, 1959 – *Nurushov S. N.* Qazaqtyn khalyq maqal-darinin damu tarikhnan [From the History of the Development of Kazakh Folk Proverbs]. Almaty: Qazaqtyn memleketтик korkem adebiet baspasy, 1959. [in Kazakh]

Pelliot, 1949 – *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar" [Notes on the History of the Golden Horde, Followed by Some Turkic Names of Men and Peoples Ending in "ar"]. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. Vol. 2. [in French]

Pochekaev, 2018 – *Pochekaev R. I.* Tsari ordynskie: biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy [Horde Kings: Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. Sankt-Peterburg: Evraziia, 2018. 455 p. ISBN 978-5-91852-010-9. [in Russian]

Pochekaev, Pochekaeva, 2017 – *Pochekaev R. Iu., Pochekaeva I. N.* Vlastitelnitsy Evrazii: istoriia i mify o pravitel'nitsakh tiurko-mongol'skikh gosudarstv XIII–XIX vv. [Rulers of Eurasia: History and Myths about Female Rulers of Turkic-Mongol States, 13th–19th Centuries]. Sankt-Peterburg: Evraziia, 2017. 384 p. ISBN 978-5-91852-163-2. [in Russian]

Raiki, 2009 – *Raiki A.* Mongolian Etymological Dictionary. Version 1.1. Compiled 2006–2009. 47 p. Academia.edu.

Schmitz, 1996 – *Schmitz A.* Die Erzählung von Edige: Gehalt, Genese und Wirkung einer heroischen Tradition [The Narrative of Edige: Content, Genesis, and Impact of a Heroic Tradition]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996. Turcologica. Bd. 27. 234 p. [in German]

Shiltberger, 1984 – *Shiltberger I.* Puteshestvie Ivana Shiltbergera po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god [The Journey of Johann Schiltberger through Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427]. Ed. by Z. M. Buniatov. Baku: Elm, 1984. 86 p. [in Russian]

Spuler, 2017 – *Spuler B.* Zolotaia Orda. Mongoly na Rusi. 1223–1502 [The Golden Horde: The Mongols in Rus. 1223–1502]. Trans. from German by S. Iu. Chuprov. Moscow: ZAO "Tsentrpoligraf", 2017. 415 p. ISBN 978-5-9524-5275-6. [in Russian]

Trepavlov, 2001 – *Trepavlov V. V.* Istoriia Nogaiskoi Ordy [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2001. 752 p. [in Russian]

Trepavlov, 2013 – *Trepavlov V. V.* "Orda samovol'naia": kochevaia imperiia nogaev XV–XVI vekov [The "Self-Willed Horde": The Nomadic Empire of the Nogais in the 15th–16th Centuries]. Moscow: Kvadriga, 2013. 224 p. [in Russian]

Trepavlov, 2019 – *Trepavlov V. V.* Edigei vo glave Zolotoi Ordy: opyt chagataiskoi emigratsii [Edigei at the Head of the Golden Horde: The Experience of Chaghataid Emigration]. Drevniaia Rus'. *Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 119–123. [in Russian]

Ualiev, Kushkumbaev, 2024 – *Ualiev T. A., Kushkumbaev, A. K.* K voprosu ob izuchenii kazakhskikh variantov predanii ob Idegee [On the Study of Kazakh Versions of Legends about Idegei]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2024. Vol. 12. No. 4. Pp. 782–813. [in Russian]

Wilson, 2022 – *Wilson J. W.* Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2022. Vol. 10. No. 2. Pp. 332–343.

МАЗМУНЫ/СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
 ОТАН ТАРИХЫ. 2026. Т. 29. № 2

Мамытова С.Н. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В 1930–1940-Е ГОДЫ.....	429
Ахметжан К.С. ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАВЕРШИЙ КАЗАХСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ВОЕННЫХ ЗНАМЕН.....	447
Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш. «ЖЕЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»: КАЗАХСКИЕ НАДГРОБИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	473
Yergali S.A., Kolukisa H., Shaldarbekova A.B. THE INSTITUTION OF «ZHETI ATA» IN KAZAKH SOCIETY AS A MECHANISM OF SOCIAL REGULATION AND KINSHIP ORGANIZATION.....	488
Toraigyrov Ye.M. TOPICAL ISSUES OF THE IRTYSH TEN-VERST STRIP IN THE WORKS OF MODERN TIMES.....	502
Абуов Н.А., Картова З.К., Алимжанов А.Х. УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	516
Әуелбеков М.Б., Бахар Х. XII–XV ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ.....	533
Черниенко Д.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Х.А. АРГЫНБАЕВА В ПИСЬМАХ ЕГО КОЛЛЕГ-ЭТНОГРАФОВ.....	548
Iskakova G.Z., Assylbekova A.Z. SHAKARIM KUDAIBERDIULY AND KAZAKH NATIONAL MEMORY	564
Құндызбай Д.Қ., Кенжебаев Ғ.Қ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЖЕТІСУ Өңірінен Қытайға босқыншылығы (XX ғ. 30 жж.).....	576
Конкабаева Н.Н., Абдрахманова К.Х. О ТРАКТОВКЕ ЛЕКСЕМ «ТЕНГРИ», «УМАЙ» В КОНТЕКСТЕ ВЕРОВАНИЙ МАМЛЮКОВ-КЫПЧАКОВ В XI–XIV ВЕКАХ.....	590

Сулейменова А.Т. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ «ПАРТИЯЛЫҚ ТАЗАЛАУЛАР» КЕЗІНДЕГІ ҚЫЗМЕТІ.....	602
Молотова Г.М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XII–XIII ВЕКОВ).....	619
Мейрманова Г.А., Бейсеғұлова А.Қ., Алдекен А.С. ҚАЛЫҢМАЛ – ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ИНСТИТУТ: ТАРИХЫ МЕН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ.....	629
Алимбай Н. ОДЕЖДА КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (XVIII – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ).....	642
Бахтыбаев М.М., Қожас М.Б., Сиздиқов Б.С. ГОРОДИЩЕ СЫГАНАК: ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА.....	695
Шынтаев Н.А., Мусабалина Г.Т., Джолдыбаев Ж.Т. ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫ ТҮРҒЫНДАРЫНЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ: ПОСТКЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК- ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР (1991–2023 ЖЖ).....	713
Шашаева М.А. ЖАЗЫҚСЫЗ ЖАЗАЛАНҒАНДАР: «ОТАН САТҚЫНДАРЫНЫҢ ОТБАСЫ МҮШЕЛЕРІ ТУРАЛЫ» ЗАҢЫНЫҢ ӘЙЕЛДЕР ТАҒДЫРЫНА ТИГІЗГЕН АУЫР ӘСЕРІ.....	724
Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ЕДИГЕ.....	735
Есен С.Ғ. МӘЛЕНБЕРЛІ ҚОРЫМЫ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ.....	755
Жетібаев К.М., Қожас М.Б., Әлімбекұлы Ә. ҚҰЙРЫҚТӨБЕ (КЕДЕР) ҚАЛАСЫНЫҢ РАБАД АУМАҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР.....	764
Муратбаева А.Б. ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ ОРТАЛЫҒЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ТАРИХИ-МӘДЕНИ АСПЕКТ.....	777

- Оспанова Д.К., Тебаев Д.Б., Мағауянов Д.А.**
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҮКІМЕТТІК ЕМЕС
ҰЙЫМДАРДЫҢ 1991–2011 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ
ДАМУ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ.....787
- Қуанбай О.Б. Мурзаходжаев Қ.М.**
ЖАПОНИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ
ДАМУ ҮРДІСТЕРІ БАҚ БЕТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ (1990–2025).....805
- Алибек С.Н., Кудайбергенова А.И., Тажмуханова Н.Е.**
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ПЕРИОД
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ КАК
ТРАГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОРОДА ЧИМКЕНТА И ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....817
- Жүсінов Р.Б., Нұрышева Г.К.**
1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚОСТАНАЙ ӨңІРІНДЕГІ
ДІНИ БІРЛЕСТІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ
САЯСАТЫ (АРХИВ ДЕРЕКТЕРІ НЕГІЗІНДЕ).....833
- Қозыбаева М.М., Жалмағамбетов Е.Ә.**
КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ
ҚҰҚЫҚТАРДАН АЙЫРУ ТӘЖІРИБЕСІ: «АЙЫРЫЛҒАНДАР»
МЕН «ҚҰҚЫҚСЫЗДАР» КАТЕГОРИЯЛАРЫ.....851
- Хазретәліқызы Р., Тұрсұн Х.М., Сайлаубай Е.Е.**
МІРӘЛШЕР СЕРАЛИЕВТИҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ
ҚЫЗМЕТІ МЕН МҰСТАФА ШОҚАЙМЕН
БАЙЛАНЫСЫ АРХИВТІК-ТЕРГЕУ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ.....866
- Калыбекова М.Ч., Чакенова Б.А.**
КАЗАХИ-ВРАЧИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ XIX И 30-Е ГОДЫ XX ВВ.878
- Рахбаев К.К., Избасарова Г.Б.**
ҚАЗАҚТЫҢ МЕШІТ САЛУ ДӘСТҮРІНІҢ ШЫҢЫРАУ КӨЗДЕРІ
(ОРТАҒАСЫРЛЫҚ МЕШІТТЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУІНЕ ШОЛУ).....890
- Нурпейсова Э.Т., Байдалы Р.Ж.**
ЕЛДЕС ОМАРОВТЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІНЕ ДЕРЕКТАНУЛЫҚ ТАЛДАУ.....915
- Alpysbes M.A., Arkhymatayeva A.Zh., Kara A.**
THE INFLUENCE OF THE NATIONAL IDEA ‘OYAN, QAZAQ!’
ON THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF EASTERN COUNTRIES.....926
- Kochiyev E.R., Kabuldinov Z.E., Aydingün A.**
THEORIES OF DIASPORAL ETHNIC IDENTITY
IN CONTEMPORARY WESTERN HISTORIOGRAPHY (2000–2025).....939

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru
